

От «Поэтической весны» до наших дней

Признаюсь, читая некоторые главы книги Игоря Шайтанова, мне пришлось не раз заглядывать в Интернет, разыскивая в сети имена и произведения поэтов, о которых идет речь. В разделах, посвященных тем, кто заявил себя как поэт в конце прошлого века и начале нынешнего, автор очень широко, объемно представляет весь спектр молодой поэзии.

Не стесняюсь признаться в том, что использовал Интернет как шпаргалку именно потому, что не готов к состязанию с признанным специалистом, каким является Игорь Шайтанов, много лет находящимся в пространстве поэзии, знающим, изучающим его, пишущем о нем. Как читатель, благодаря книге Шайтанова я открыл для себя интересные имена, получил возможность по-новому взглянуть на творчество поэтов давно знакомых. Может быть, достаточно сказать, что после прочтения книги направился в магазин и пополнил свою домашнюю библиотеку десятком томов стихотворений тех поэтов, о которых говорит или хотя бы упоминает Шайтанов.

Не могу сказать, что, читая, соглашался с каждой строкой, с каждым выводом автора. Тем не менее и споров не было. Споры исключает само название книги – «Дело вкуса». Оно, конечно, многопланово. Но один из смыслов предполага-

ет, что автор говорит о том, что именно он выбирает для себя в соответствии со своим вкусом. И спорить с выбором другого человека бессмысленно. Хотя никто не отнимает права сделать свой выбор.

Еще один из смыслов названия поясняет автор в предисловии: «...поэзия и искусство вообще – дело вкуса. Вкус изменчив, это, безусловно, так. Его изменчивость – сюжет данной книги». В последние десятилетия мы могли наблюдать, как менялись вкусы, менялись приоритеты в поэзии. В 80-х годах и позже появилось немало разнообразных течений в поэзии и литературе в целом. Группочки и группы пытались самоопределиваться, создавали манифесты, отражавшие их принципы. Возможно, когда-то все они при кажущемся различии будут названы одним словом. Хочется думать, словом хорошим.

Тогда, в 80-х годах, рассказывает Игорь Шайтанов в предисловии, он задумал написать книгу «После «поэтического бума»». По разным причинам рукопись не увидела свет в те годы, но этот факт дал возможность автору более широко взглянуть на то, какими путями шло развитие поэзии далее, что принесли читателям 90-е, чем завершается прошлый век.

Читая книгу Шайтанова, видишь широкую панораму российской поэзии на протяжении долгого времени. Начиная от «поэтической весны» 50-х, автор дает емкие характеристики творчества поэтов, которые и были если не творцами, то героями «поэтического бума» 60-х. Помните знаменитые строки «нас мало, нас, может быть, четверо»? Более того, время позволило увидеть их творчество в развитии, осознать, как были реа-

лизованы возможности, проявившиеся полвека назад.

Но отсчет поэтического творчества в книге «Дело вкуса» идет не с 60-х. Ряд статей посвящены творчеству поэтов, которые стали известны раньше: Асеев, Мартынов. Только новое время принесло открытия, стали известны стихи и факты из жизни, которые не были широко известны ранее, изменилась идеология, и появилась возможность рассматривать творчество этих поэтов в большей полноте, нежели ранее.

Тома тех, с чьим творчеством знакомились по издателям самиздата, также перед концом столетия появились на книжных полках. Немало страниц книги Игоря Шайтанова посвящены творчеству Иосифа Бродского.

Говорит Шайтанов и о тех, кто стал любим читателями и широко известен чуть позже, чем лидеры времен «поэтического бума», о тех, кто менее «стадионно» вошел в литературу, кого, может быть, в то время не сразу услышали: Николай Рубцов, Алексей Прасолов.

Автор не раз цитирует в книге строки Давида Самойлова, возможно, сыгравшие в поэзии ту же роль, что «Черный квадрат» Малевича в живописи, несущий посыл: «Лучше ушедших мастеров ничего сотворить невозможно»:

*Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.*

Но творец не был бы творцом, если бы оставил попытки если не превзойти мастеров, то выразить себя через творчество. Не перестали появляться новые поэты. И в книге Шайтанова немало имен «семидесятников», хотя автор говорит о том, что такого термина нет, объясняя причину его отсутствия: «сами не собрались, не самоопределились». В книге есть и те, кто в семидесятых только родился, например, рано ушедший из жизни Борис Рыжий.

Есть и те новые имена, которые еще недавно волновали умы своей новизной, а теперь воспринимаются иными из молодого поколения читателей уже классическими: Светлана Кекова, Вера Павлова, Дмитрий Пригов, Иван Жданов, заявивший о себе среди поэтов-метафористов в 80-е. Находится место и тем, чьи стихи многими воспринимаются, как минимум, неоднозначно, а то и с агрессивным неприятием. Из таких, например, Шиш Брянский, чьи песни в авторском исполнении и в исполнении Псоя Короленко во

всем своем многообразии (борюсь с желанием сказать – во всем однообразии, но это уже «дело моего вкуса») заполнили Интернет. Этот круг авторов доходит до дня сегодняшнего, «где резонанс новых имен ограничен близ расположенной тусовкой».

При этом по-разному оценивает творчество поэтов и Игорь Шайтанов, хотя его оценка кажется мне предельно объективной, несмотря на название книги. Иной раз возникает ощущение, что здесь уместен был бы андерсеновский мальчик, воскликнувший: «А король-то голый!» Автор же ведет серьезный разговор о поэзии и стихах, время от времени позволяя себе иронию в стиле мягкого английского юмора. Такова, например, его рецензия на сборник «Девять измерений», «переведенная» Шайтановым на язык «новой русской поэзии».

Но при наличии юмора, при легкости стиля автор ставит серьезнейшие вопросы и дает ответы на них. Что такое традиция в литературе? Что такое поэзия? Кто может называться поэтом? Высказывая, но не навязывая своего мнения, Игорь Шайтанов дает возможность читателю сверить свое представление обо всей современной поэзии, понимая под этими словами всю вторую половину прошлого века, с представлениями автора. И самому ответить на вопрос: существует ли сегодня серьезная поэзия? И, возможно, открыть для себя новых ярких поэтов или под иным углом зрения взглянуть на творчество поэтов известных. А кроме того, книга «Дело вкуса», на мой взгляд, представляет собой замечательный образец современной литературной критики, серьезно заниматься которой в наше время могут только подвижники.

Вениамин СЛЕПКОВ

Шайтанов И. Дело вкуса:
Книга о современной поэзии.
М.: Время, 2007. – 656 с. – (Диалог)

Ушел из жизни большой русский поэт Андрей Вознесенский. Прощаясь с ним, читатели нашей огромной страны вспоминали 1960-е годы, когда поэты собирали стадионы. Люди могли часами слушать стихи. А сейчас Россия будто забыла, что она является, по выражению академика А.М.Панченко, «литературной цивилизацией», что ей не простилось: со всех телеэкранов ее наставляют представители массовой культуры: авторы детективов, сатирики, слагатели «хитов».

О нашем духовном отступлении и говорит книга Дмитрия Вересова «Отступление в осень» (Петрозаводск: Verso, 2008. – 151 с.). В стихотворении «Поэзия» автор вопрошает:

*Кому нужна ты, бедная, кому?
водителю такси? Слепой бумаге?
филолога холодному уму?
лихим самоубийцам в полушаге
от бездны?*

Ощущение, что на рубеже тысячелетий «лишним» человеком в России стал поэт, передано глубоко драматично. Здесь и беда, и вина героя, ибо он и близкие ему по духу, «отброшенные» временем «за круг», на миг утратили ориентиры – философские, социальные, нравственные – и «не замечали, как вдруг иная началась эпоха».

Философскому осмыслению времени посвящена

первая часть книги «Река-печаль», которая, несмотря на трагизм внутреннего восприятия времени, все же исполнена веры в будущее, ибо: «бессмертной капелькой ртути мир в ладони у Бога дрожит...»

Логично, что вторая часть «Переложения псалмов» не просто воздаст хвалу Господу и его творению, а через личностное осмысление сакральных текстов показывает путь мятущейся души к Богу, путь к спасению через терпение и благодать.

Третья часть «Гербарий» являет собой кладовую память поэта, где нашли место удивительные пейзажи, свидания с любимой, дни поражений и мгновения надежды. Противоречивость эпохи 1980–1990-х годов отражена им даже в восприятии космических светил и природных существей: «шпы оранжевой луны»; «снегирей воспаленная стая»; «загустевший от боли мороз» и др. Но и в эпоху «крушения смысла» вновь медленно нарождается, проступает «некий образ как дерево первоначального смысла», корнями выросшего в «древний славянский словарь».

Четвертая часть называется «Тропюю листопада» и состоит из цикла философских миниатюр, сознательно не завершенных поэтом. Запятые и точки в этих стихотворениях отсутствуют. Да, осень, да, ощущение смерти природного мира. Однако этот уход поражает «колдовской прелестью» и дарует плоды урожая. Воистину вечный круговорот бытия не знает знаков препинания.

Начинается книга со стихотворения «Реквием», посвященного матери. Образ матери человеческой в русском национальном сознании всегда связан с образом Родины-Матери. И это тождество осознается героем. Потому как ни мучительна «пустота», что подступает к горлу, остается мир материнской любви, и посему «Смерти нет. Уходит только плоть. Мамы нет. Храни ее, Господь». И этой верой в национальное бессмертие завершается последнее стихотворение книги: «все тленно в этом мире все бессмертно».

Второй книгой, на мой взгляд, также достойной внимания читателей, является антология поэзии Карелии «Дерево песен» (Петрозаводск: Острова, 2009. 288 с.), составленная Александром Валентиком.

Поэт и знаток поэзии, известный популяризатор творчества большинства поэтов Карелии А.Валентик представил авторскую версию поэзии Карелии 1930 – 2000-х годов. Авторские версии получили распространение и у нас, и за рубежом. Видимо, ощущая недостаток внимания со стороны читателей и критики, поэты решили напомнить о себе сами. Полагаю, что многим известна антология Евгения Евтушенко.

А. Валентик включил в свою книгу произведения 75 поэтов, пишущих на русском, финском, карельском и вепсском языках. Здесь и произведения известных поэтов (Я. Ругоева, Т. Сумманена, В. Брендоева, А. Авдышева, О. Мишина, В. Морозова, Н. Абрамова и др.), и поэтов, еще не выпустивших свою первую книгу (К. Коротких, Е. Ольшиной). Разнообразна поэтическая география книги: земля Калевалы, Заонежье, Поморье, Петрозаводск, Сортавала, Шимозеро, Терва-ручей и далее, далее... Также разнообразен ее жанрово-тематический репертуар: гражданская поэзия, пейзажная лирика, медитативные стихи, философская лирика, посвящения, поэтические обращения, романсы, мотивы, отрывки из поэм и т. д.

Хотя А. Валентик при составлении книги использовал универсальный – алфавитный – принцип расположения материала, он все-таки стремился подобрать стихи так, чтобы они перекликались друг с другом, чтобы создавалось ощущение единой книги: о России, о Карелии как органичной части этой великой страны, об эпохе и конкретном человеке: гражданине и семьянине, влюбленном и вечном труженике. Открывается книга строфой вепсского поэта Николая Абрамова:

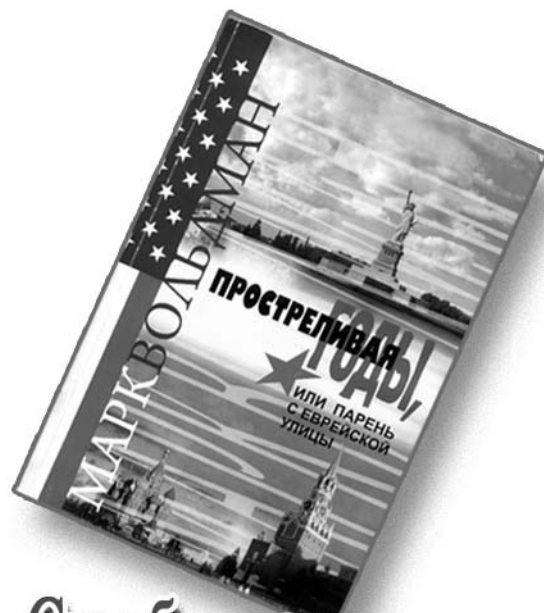
*Каждому – вера и слово,
Каждому – посох и путь.
Вспомни родных своих снова,
Дом и язык не забудь.*

Это своеобразное напутствие поэта своим читателям является и напутствием составителя антологии. Вот его главные концепты: вера, слово, родной дом. И, соответственно, А. Валентик завершает книгу гимном вечной жизни. Эту смысловую нагрузку выполняет в его книге стихотворение П. Шувалова «Осень 91 года». Хотя речь идет о трагедии страны (рухнул Советский Союз!), крушение системы не означает крушения жизни, поэтому финальные строки в антологии звучат так:

*А утром сыновья вбегут вдвоем –
Два ангела – тебе подарят жизнь!*

Каждой подборке стихотворений предшествует краткое слово составителя о творческом пути автора, а книгу предваряют два предисловия: А. Валентика и автора этих строк.

Елена МАРКОВА, доктор филологических наук

Судьба «парня с еврейской улицы»

Существует расхожее мнение, утверждающее, что каждый человек может написать, по крайней мере, один роман – роман о собственной жизни. В прошлом петрозаводчанин, а ныне житель Соединенных Штатов Америки Марк Вольдман подтвердил это мнение, написав книгу «Простреливая годы, или Парень с еврейской улицы». Книга вышла в 2010 году в Санкт-Петербурге десятитысячным тиражом. В книге автор рассказывает о прожитых годах, начиная с детства, пришедшегося на трудное военное и послевоенное время, до наших дней.

И еще одну известную мысль подтверждает Марк Вольдман своей книгой. Жизнь человека всегда интересна. И потому «Простреливая годы» читается как захватывающий роман. С тревогой следишь за тем, как автор преодолевал различные препятствия на своем жизненном пути, негодуешь на несправедливость, с которой ему пришлось в жизни сталкиваться не раз, радуешься его успехам, которые приходят как награда за целеустремленность и напряженный труд. В определенном смысле это история успеха, но не отлакированная под голливудские стандарты.

Искушенный читатель, задавшись такой целью, найдет в книге немало огрехов, видно, что ее написал не профессиональный литератор. Часты повторы, желание объяснить, почему автору так важно было написать о своей жизни. В этом есть некое недоверие к читателю, опасение, что сам он не догадается о мотивах, которые двигали автором. Но в этих огрехах, зачастую характерных для начинающих авторов, есть своя прелесть. Они ярко подтверждают правдивость рассказанного, видно, что автор не придумывал то, о чем повествует, не «конструировал» сюжет для большей занимательности, а просто позволил читателю увидеть жизнь еврейского паренька из небогатой семьи, ставшего профессором математики американского университета. Правда жизни часто бывает интереснее любого самого замечательного придуманного приключения, в этом еще раз можно убедиться, читая книгу Марка Вольдмана.

На мой взгляд, главные и лучшие страницы книги посвящены людям. Прежде всего уважение вызывает сам автор, решающий любые самые сложные задачи, которые ставит перед ним жизнь. Его настойчивость в решении этих задач, тщательное продумывание путей решения, выбор их, возможно, задолго до осознания самим Марком Вольдманом уже predeterminedили выбор профессии. Упорство автора, вера в успех не могут не подкупать. *«Однако в то же время я хорошо знал, что легко мне никогда не было и что я обязательно справлюсь. Я также знал, что с завтрашнего дня я начну неистово заниматься новым для меня делом и что надо победить, ибо другого пути у меня просто нет»*, – так говорит Вольдман, рассказывая о том, как в молодые годы принял предложение работы, к которому изначально не был готов. Марку Вольдману пришлось быстро приобретать новые знания и опыт, активировать опыт прежний, и, конечно, все сложилось удачно. Да и могло ли быть иначе у такого целеустремленного человека, настроенного на то, чтобы успешно справляться с любыми проблемами.

Лишний раз автор дает возможность убедиться, что не столь важны стартовые условия в жизни, сколько желание изменить жизнь к лучшему. На этом пути нельзя обойтись без поддержки людей. Марк Вольдман хорошо это понимал и потому с самых ранних лет стремился выстраивать с людьми такие отношения, которые позволяли бы в дальнейшем сотрудничать, дружить. С теплом вспоминает Вольдман всех тех, кто принял участие в его судьбе, кому и он старался по мере сил помогать.

Люди важны для автора не только поэтому. Размышляя о том, какая страна является для него

родной, он говорит, что родился в Казахстане в эвакуации, двухлетним малышом оказался в Украине, армейскую службу проходил в Белоруссии, затем учился, работал, женился – в России. После этого жил в Молдавии, ныне живет в США. *«Я был бы счастлив назвать своей родиной Советский Союз. Но такой страны больше нет»*, – говорит автор. В то же время и Америку он не считает чужбиной: *«Соединенные Штаты Америки – это моя страна, страна моего сына, внука и внучки»*. И поэтому главным в определении Родины он считает людей: *«Родина – это мы, люди»*, и называет этих людей, с которыми шел по жизни многие годы или встретился ненадолго, но эти встречи оставили в памяти добрый след. В памяти автора живут его соседи, учителя, одноклассники из города Черновцы, сослуживцы, с которыми он познакомился в Белоруссии, однокурсники, преподаватели и коллеги, с которыми жизнь его свела в Петрозаводске, новые американские друзья и многие другие люди, ставшие героями книги Марка Вольдмана.

Книга «Простреливая годы» важна и как исторический документ. В ней – неприкрытая правда о том, как жилось в Советском Союзе. Да, возможно, восприятие тех лет у многих иное, в конце концов, каждый проживает только свою жизнь и вправе говорить о том, что сам видел и чувствовал. Но при этом историческая достоверность в книге присутствует. Автор прав, утверждая: *«Все, что случилось за последние шестьдесят-семьдесят лет существования СССР, так или иначе коснулось моего поколения, то есть тех, кто родился в начале сороковых годов прошлого века»*.

В предисловии, размышляя о мотивах, побудивших его создать эту книгу, автор говорит, что есть немало книг о людях, чьи судьбы в чем-то схожи, о тех, кто принадлежит к его поколению и так же, как он, родившись в СССР, уехали в другие страны. Но, как правило, эти книги посвящены людям известным, оказавшим значительное влияние на мировую культуру. Автор же видел свою задачу в том, чтобы рассказать о судьбе обычного «парня с еврейской улицы», и, как всегда, поставленную перед собой задачу выполнил отлично.

Алексей КУЗЬМИН

Вольдман М.
Простреливая годы,
или Парень с еврейской улицы. – СПб:
Любавич, 2010. – 560 с.